

Александр Степанович Грин

Продавец счастья

Александр Степанович Грин

Продавец счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314192

Аннотация

Может ли человек «следовать руслу случая», поверив бумажке, вынутой попугаем?!

«Если вам кто-нибудь говорил, что жизнь требует осторожности и терпения – не верьте...»

Одна из самых непредсказуемых новелл Грина.

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	11
III	18

Александр Степанович Грин Продавец счастья

I

«Кто не работает, тот не ест», – вспомнил Мюргит черствую, хлебную истину. Эти слова очень любил повторять его отец, корабельный плотник. Но Мюргит так привык благодаря усердному повторению истины к ее неопределенно-понукательному значению, что стал почтителен к ней лишь теперь, когда, потеряв место в угольном складе из-за происка толстой дамы, жены хозяина, игравшей по отношению к молодому человеку роль известной жены Пентефрия, горько и лицемерно смеясь над сытым видом развалившихся в лакированных экипажах холеных и томных людей, шел к рынку с темной надеждой стащить пучок моркови или редиски.

Рынок, потерянный рай голодных, усилил страдания Мюргита зрелищем разнообразных продуктов и свежим запахом их, заставляющим вспоминать жарко растопленную плиту, шипенье масла, стук блестящих ножек и воркотню супа. Розовая телятина, красное мясо, коричневые почки, теререва, голуби, куропатки, фазаны и зайцы лежали за блестя-

щими стеклами лавок; на лотках теснились зеленые букеты моркови, редьки, спаржи и репы; скользкие угри, лини, камбалы, лососи и окуни грудками, серебрясь и переливаясь на солнце нежными красками, заглядывали свесившимися головами в корзины, полные устриц, омаров, раков и колючих морских ежей.

Стараясь не выделяться среди шумной толпы неуверенными движениями и беспокойством взгляда, Мюргит жадно присматривался к лакомым яствам, не решаясь, однако, приступить еще к действию, хотя руки его дрожали от голода; ночуя вторую ночь под старым баркасом, Мюргит слышал от старого опытного бродяги, спавшего вместе с ним, что воровать надо наверняка, иначе не стоит соваться. Пока же, не видя ничего плохо лежавшего, Мюргит машинально ощупывал подкладку своего старого пиджака, стараясь набрести на мелкую монету, когда-нибудь провалившуюся сквозь карманную дыру, и заглядывал под ноги, ища вечный кошелек с банковыми билетами.

Пройдя всю площадь, Мюргит в раздумье остановился. Рассеянно осматриваясь, увидел он невдалеке, за лавками, среди старых бочек и ящиков, кружок играющих в передвижную рулетку; тут были извозчики, солдаты, женщины и подростки. Среди других игроков забавным показался Мюргиту старик с деревянным ящиком за спиной. На крышке ящика сидел попугай, блестя бессмысленно хитрым, круглым глазом и время от времени покрикивая недовольным

голосом: «Купите счастья!» Иногда помедлив, прибавлял он к этому что-нибудь из остального своего лексикона: «Прохвосты!», «Не бери сдачи!», «Сыпь орехов!» Старик, беззубый, но проворный для своих лет, суетился больше других; монета за монетой мелькали в его руке, и он, кряхтя, проигрывал их. Суеверие свойственно несчастливцам; Мюргит подходя к рулетке, думал: «У меня нет ни одной копейки, а я уверен, что купил бы за гроши счастье. Недаром этому продавцу счастья так не везет самому». Мысль эта была заметно лишена логики, но ее убедительность равнялась в глазах Мюргита таблице умножения. И он заглянул в ящик, разделенный на клеточки, из которых попугай таскал клювом бумажки с предсказаниями и сентенциями.

Почувствовав у затылка сдержанное дыхание Мюргита, старик обернулся.

– Купи, молодчик! – шамкнул он, подмигивая, – поддержи торговлю! Народ стал нелюбопытен, разрази его гром, и, должно быть, теперь все счастливы, потому что воротят нос от моего ящика. Или ты, может быть, тоже счастливичик?

– Вот, – сказал рассерженный Мюргит, собираясь выворотить карман, чтобы, кстати, вытряхнуть из него крошки и обломки спичек, – если здесь есть хоть бы одна копейка, я суну ее твоему попугаю, чтобы он подавился и издох на твоей спине!

Он дернул рукой. Пальцы, проскочив карманную дыру, уперлись в подкладку, и Мюргит, смотря застывшими глаза-

ми в насмешливое лицо старика, почувствовал, что сжимает монету. Мгновенно медь, серебро и золото вообразил он, но серебру и золоту неоткуда было явиться; вытащив руку, Мюргит с волнением увидел небольшую медную монету, на которую дали бы кусок хлеба. То было известное коварство вещей, умеющих, упав, завалиться под стол или диван таким образом, что для извлечения их требуется становиться на четвереньки; в других случаях потерянная вещь отыскивается весьма часто в ненужный момент. Мюргит, мысленно ругая себя за легкомысленное обещание, плюнул и топнул ногой, отчаяние и полное безучастие к судьбе овладело им; издеваясь над собой, он сказал:

– Счастье важнее хлеба, – и опустил монету в щель ящика.

Попугай, услышав знакомый стук, скрипнул клювом, закричал: «Сыпь орехов!» – и, сунув неуклюжую голову в одно из углублений, вытащил свернутую бумажку.

– Читай на здоровье, – сказал старик, и Мюргит с ненавистью вырвал из клюва птицы свое дешевое «счастье».

Отойдя в сторону, он развернул бумажку и прочитал следующие, безграмотно отпечатанные стихи:

Тебя счастливей в мире нет;
Избегнешь ты премногих бед;
Но есть примета для тебя:
Отыщешь счастье ты – любя.
Твой знак – Луна и Козерог
Ведут к удаче средь дорог.

– Хорошо, – злобно сказал Мюргит, – что эта нелепица не попалась безрукому, безногому и глухонемому; он, я думаю, отхлестал бы старика костылями за удачное предсказание.

Он резко повернулся и вошел в ближайший трактир с сомнительной надеждой отыскать под столом, как это было вчера, завалившуюся корку хлеба. Посетителей в трактире было немного; усталый Мюргит сел, отыскивая глазами на полу, среди окурков и пробок, что-либо съедобное.

– Что вам подать? – спросил, подходя, слуга.

– Сейчас ничего, – солгал наполовину Мюргит, – я жду приятеля, когда он придет, мы поедем вместе.

Так он просидел, ежась от голода, минут двадцать. Все кругом ели и не обращали на него внимания. Оглядываясь, Мюргит заметил пожилого человека с завязанной головой, делавшего ему знаки глазами и пальцами. У этого человека была самая подозрительная внешность, однако, Мюргит не колебался... Цепляясь за малейшую возможность поесть, подошел он к завязанной голове и сел рядом.

– Давно не ел? – проницательно осведомился, подмигивая, неизвестный.

– Да, – сказал Мюргит, – если вы угадали, что я не ел, то уж угадать, что не ел двое суток – пустяки.

– Хочешь заработать?

– Хочу.

– Эй, – сказала завязанная голова, кладя вилку, – дай-ка,

рыжий, этому парню бобов с салом, баранины и вина.

Кровь хлынула к сердцу Мюргита от неожиданности; чувствуя инстинктивно, что лучше и выгоднее молчать, ожидая, что скажут, просидел он, перебирая от нетерпения под столом ногами, пока слуга, рыжий, как солнце, ходил на кухню. Когда кушанье было подано. Мюргит съел его аналогично медленно трогающемуся и быстро берущему скорый ход паровозу; благодетель Мюргита, заметив под нос что-то насчет дураков, прозевавших такого молодца, как юноша, налил вина и сказал:

– Вижу я по твоей физиономии, что ты не способен выдать накормившего тебя человека. Слушай: я контрабандист и мошенник. Вчера с грузом сырого шелка выехал я по лесной реке Зерре, что неподалеку отсюда, прокрался благополучно мимо одного таможенного пикета и передал на берегу груз ожидавшим меня верховым товарищам.

Не успел я разделаться с последним тюком, как раздались выстрелы, приятели мои ускакали, а я, бросаясь в лодке от берега к берегу, сбил с толку солдат, выскочил, покинул на произвол судьбы лодку и скрылся. Пришлось мне также бросить ружье. Контрабандисту, пойманному с оружием в руках, – виселица! Если найдут лодку – мигом узнают, что это моя работа, лодка моя известна. Поди-ка ты, затопи ее вместе с ружьем, а если увидишь, что ее уже нет, – вернись и скажи мне. Это для тебя не опасно, ты ведь можешь придумать, в случае чего, что угодно.

– Что ж, – сказал, охмелев, Мюргит, – я согласен.

– По тропинке за бойнями, – объяснил мошенник, – выйдешь ты к проезжей дороге, что идет мимо оврага, а там, у реки, возьмешь влево и, думаю, недолго пройдешь, как увидишь лодку. Прорежь ей ножом дно и насыпь камней. Вот тебе, – он вытащил из кармана горсть мелкого серебра и сунул Мюргиту. – Смотри же, братец, молчи обо всем этом.

– Будьте покойны, – сыто улыбаясь, сказал Мюргит, – я все обстряпаю.

И он, не теряя времени, отправился к реке Зерре.

II

Бобы с салом, баранина, крепкое вино и мелкое серебро держали Мюргита целый час в состоянии упоения. «Ей-богу, мне повезло как раз после стихов», – думал он, шагая лесной дорогой. Серебро звенело в его кармане соловьиными трелями, здоровая сытость разливалась по окрепшему телу, и, веселый по природе, Мюргит беспричинно рассмеялся, насвистывая куплеты. Скоро пришел он к синей узкой реке, блестящей солнцем под безоблачным небом, и, с трудом пробираясь у самой воды среди упавших стволов папоротника, цепких кустов и арками купающихся в струях реки свисших ветвей, увидел в тенистом заливчике превосходную лодку, способную выдержать не менее десяти человек. В ключищах торчала пара тяжелых весел, а на дне, подле одноствольного, старинной работы ружья, валялся мешок с чаем, сахаром, галетами, порохом, пулями и сменой белья.

– Да это целое хозяйство! – вскричал Мюргит, запнувшись за жестяной котелок. Под кормой он увидел топор. – Лодку, конечно, я утоплю, но ружье и все остальное – дудки! Это стоит денег. Все равно мой случайный хозяин не получил бы этих вещей, если бы не я!

Решив так, Мюргит сел к веслам, взмахнул ими и выплыл на середину реки, высматривая, нет ли где тяжелых камней, но впал в раздумье. «Хорошо, – думал Мюргит, – я утоп-

лю лодку, вернусь, и что же предстоит мне? Деньги через несколько дней выйдут, а в этом маленьком городе не легко найти место. Не отправиться ли мне вниз по течению? Что мне терять? Зерра впадает в Таниль, а Таниль в море, где шумит большой город, в десять раз более этого дохлого Хассавера – Сан-Риоль; поэтому я думаю, что благоразумнее мне пуститься во все тяжкие».

Твой знак – Луна и Козерог
Ведут к удаче средь дорог...

вспомнил Мюргит. С доверчивостью к судьбе, свойственной незлопамятной молодости, Мюргит прочно уселся на скамейку лодки, и весла запели в его руках, удаляя Мюргита от того места, где он собирался прорубить дно.

Безмолвная река развертывалась перед ним пышной, синей аллеей, извиристо проникая в знойную тесноту дремлющих лесных берегов; обрывы, черные, как груды угля, с выползающими к воде розовыми корнями, сменялись колоннами бесконечно уходящих в полумрак зарослей стволов; далее, как высыпанная из корзин зелень, купались в зеленеющей отражениями воде гирлянды ветвей, образуя тенистые боковые коридоры; в глубине их встречая проникший луч, вспыхивали и гасли листья.

Затуманенные игрой струи висели в подводной пропасти опрокинутые двойники берегов, а даль речных поворотов

сияла воздушными садами; очарованные зноем серебристые от блеска воды, дремали они, готовые, казалось, развеяться от легкого дуновения. В тишине леса таилась покоряющая сила спокойствия, мысль человека, попавшего сюда, текла стройно и беспечально, отдаваясь власти видимого, и глаз не уставал подмечать богатое разнообразие берегов, слитных, как толпа, и разных, как лица.

Мюргит плыл и не думал уже о будущем, а тихо погрузился в неясные, похожие на сказки, события, неизвестно кем пережитые и рассказанные, но был в них главным действующим лицом. Радовался, горевал, молился и плакал. В этой игре воображения не было ничего, что мог бы он припомнить потом, но сердце его от зноя, тишины и беспричинной, сладкой тревоги билось частыми, волнующими толчками, как бы требуя на неизвестном наречии свободы и радости. Прошел еще час, пали тени от берегов, и, услышав громкое сопение, увидел Мюргит порядочных размеров медведя. Зверь стоял у воды, саженьях в десяти от лодки: с морды его падали блестящие водяные капли, он пил и, увидев человека, обеспокоился.

– Эй, дядя! – беспечно крикнул Мюргит, считая себя в безопасности. – Как посмотрю я, ты здорово обнаглел, если не боишься получить пулю! – И он показал ему заряженное ружье.

Медведь рывкнул, потоптался и прыгнул в воду. Не ожидая этого, Мюргит растерялся, зверь плыл к нему весьма

быстро, и мохнатая голова его была уже не далее шести шагов от Мюргита, лодка же, пока он грозил ружьем повернулась носом против течения, очень быстрого в этом месте, так что, потеряв несколько времени на усилия привести лодку в прежнее положение, молодой человек увидел себя вынужденным стрелять. Он взвел курок, прицелился и, дав зверю очутиться почти вплотную, прострелил ему череп. После этого, еще не опомнившись хорошенько от неожиданного нападения, он тупо смотрел, как забившийся зверь, разводя лапами немалое волнение, поплыл в красном кровавом пятне почти уже мертвый, рядом с лодкой; еще не совсем прошел испуг Мюргита, как он сообразил, что с медведя следует содрать шкуру. Захлестнув веревкой голову мертвого врага, Мюргит взял его на буксир и, пристав к берегу, после долгих усилий, вспотев, ободрал тушу; прекрасная, черная шкура тяжело висела в руках удачливого стрелка, и он бросил ее на дно лодки.

– Вот жизнь медвежья! – все еще удивляясь, сказал Мюргит. – Нехорошо быть таким вспылчивым. – И он продолжал путь, несмотря на добычу, без всякого желания пережить еще такую же встречу.

Смеркалось, когда, увидев редкие огни местного поселка, Мюргит усталый подплыл к чистому песку берега, рассчитывая переночевать под крышей, а не на сыром мху. Только что он вытащил лодку, как увидел, что к деревянным мосткам, лежавшим на забитых в воде сваях, идет с корзиной молодая,

бедно одетая девушка. Проворно размахивая свободной рукой, незнакомка подошла к краю мостков и, заметив Мюргита, раскрыла от удивления маленький, как орех, рот. Ей было не более пятнадцати лет, и была она скорее хороша, чем дурна собой, благодаря молодости, лучистым глазам, черной косе и гибкости. Немного портили ее большие руки, грубоватые, как у большинства работающих женщин, и худощавость сложения, имевшая в себе нечто мальчишеское, но это показалось ничем в глазах Мюргита; стройная девушка пленила его улыбкой, доверчивой, как глаза больной обезьянки, и он подошел к ней.

– Вы, должно быть, нездешний, – сказала девушка, – я вижу вас в первый раз.

– Я еду из Хассавера в Сан-Риоль, – объяснил Мюргит, – и по дороге убил медведя. Там, в лодке, лежит его шкура. Позвольте узнать ваше имя!

– Анни, – и она закрылась рукой, потому что Мюргит понравился ей. – Можно посмотреть шкуру?

– Непременно! – вскричал Мюргит. Корзина с невыполосканным бельем осталась на мостках, а Анни, подбежав к лодке, попятилась и развела руками от удивления. – Вот большой, – сказала она, – и как это вы его трахнули?!

Так, слово за словом, разговорились они и познакомились. Анни была работницей в зажиточной фермерской семье, но очень страдала от непосильной работы и томилась жизнью в глуши. А Мюргит, слушая ее, думал: «Как часто,

по глупости или лени, проходят люди мимо своего счастья. Не буду же я дураком, сегодня мне везет, как утопленнику». И он стал рассказывать о себе, не упуская случая вставить комплимент краснеющей девушке. Сидя на борту лодки, подвигались они все ближе друг к другу, пока, заметив это, не отодвинулись точно сговорившись, и не умолкли.

Наконец Мюргит приступил к делу. Хитрей был красноречив и говорил таким тихим голосом, что его можно было принять за шепот речной воды. «Анни, – сказал он, – я много читал, слышал и видел, что случай руководит людьми. Посмотрите на эту реку. Если бы вода в ней остановилась, образовался бы ряд гнилых, скучных прудов, где от тоскидохнут рыбы. Но река движется, неустанно освежает землю, и земля вознаграждает ее пышной растительностью, охраняющей влагу от испарения. Так же и человек должен следовать руслу случая, если он обещает ему в будущем радость. Мы познакомились случайно, и отчего бы нам затягивать это дело дальше? Вот лодка и весла, а вот открытый путь с Сан-Риоль, если я вам хоть немного нравлюсь, то в будущем понравлюсь еще более. Вам и мне терять нечего. Если вам кто-нибудь говорил, что жизнь требует осторожности и терпения, – не верьте, бывает, что и терпение лопается. Удивите-ка самое себя! Приехав, мы обвенчаемся, а денег у нас на первое время хватит – я продам лодку, ружье и шкуру».

– Вы с ума сошли! – вскричала Анни. Но голо Мюргита звучал так серьезно, что это польстило ей.

– Я сделаю для вас все! – торопился высказаться Мюргит. – Я в конце концов, конечно, разбогатею! Я буду вас одевать в шелк, бархат и бриллианты и по строю вам дом! Я куплю вам лошадей и все, что вы за хотите!

К чести его надо сказать, что он сам верил своим словам. Обещания, одно заманчивее другого, посыпались с его языка проливным дождем.

– Нет, этого я не сделаю, – решительно произнесла Анни и подвинулась ближе.

– Анни! – сказал Мюргит. – Поверьте моему дню!

– Никогда. А как же белье?

– Белье? Белье... что ж белье?!

– Вы не... будете обижать меня?

– Упаси бог.

Они взялись за руки и стали шептаться.

В сердце Анни было много задора, легкомыслия и великодушия. Шептались они очень долго и убедительно, я Мюргит толкнул лодку в ночную реку, под крупные звезды, и Анни, поплавав, села к рулю.

III

В раскрытое окно лился гром приморского города. Похудевший Мюргит печально смотрел на Анни, а Анни, стараясь не поддаваться унынию, смотрела на мужа.

– Нет керосину, – сказал Мюргит, – сахару нет чаю, хлеба, мыла и табаку. Положение наше ожесточенное, дружок Анни. Что бы продать?

Анни ничего не ответила, потому что в маленькой комнате не было ничего для продажи.

«Обменять новые башмаки на старые, – думала Анни, – или продать их совсем? – Она вздохнула и посмотрела на маленькие свои ноги. – Опять босиком?!»

– Подожди-ка! – вдруг вскричал, вскакивая, Мюргит. Он кое-что вспомнил, и в глазах его это было все же лучше, чем ничего. – Анни, подожди меня, я скоро вернусь.

– Что ты задумал?

– А вот увидишь.

И он, схватив шляпу, бросился бегом на улицу. А когда вернулся, под мышкой у него торчал объемистый сверток, который он с торжеством показал жене.

– Я выпросил это в долг у лавочника, – сказал он и стал говорить, что к вечеру он все устроит. Анни, выслушивая его план, немного приободрилась, и у нее появилась надежда, что вечером удастся поесть.

В этот же день на площади у фонтана остановилась пара молодых людей, мужчина и женщина. У мужчины на шее висел ящик. С улыбкой посмотрев друг другу в глаза и смущаясь, они потупились и запели; свежие, приятные голоса их остановили некоторых прохожих. Пропев несколько песенок о любви, цветах, вине и веселье, человек с ящиком выступил вперед и сказал:

– Купите, господа, счастье! Роль маленького попугая исполняет моя жена.

И монеты, одна за другой, стали падать в шляпу Мюргита.